

**«Мы дружески разделяем с Вами горе...»
(Памяти Евгения Арензона)**

Ушёл из жизни выдающийся учёный-хлебниковед Евгений Рувимович Арензон (1937-2022).

Мне больно об этом писать (нас связывала четверть века), но надо... потому что если не писать, не высказаться, то будет ещё больнее.

Наше общение началось с переписки. В августе 1997 года я получил от Евгения Арензона письмо с отзывом о моей первой книжке «Астрахань Велимира Хлебникова»: «Книжку Вашу я видел у Митуричей. Мы её коллективно хвалили, а я был несколько разочарован, что у меня такого справочника не будет под рукой. Но вот и я получил продукцию “Хаджи-Тархана”. Спасибо! Иллюстрации не всегда хороши (типографски), но тематически все уместны, работают на документальность издания, а “Витя с Борей” (семейное фото) — это просто замечательная новинка, и я Вас искренне поздравляю».

Помню, мне не понравилось слово «справочник», и в ответном письме я возразил: «Я не думаю, что моя книжка «справочник». По-моему, она переросла размеры «путеводителя», которым она была изначально. «Я бы отнёс её к жанру художественно-документальной критики».

Начинающий (хотя и подающий некоторые надежды) хлебниковед, я был чересчур агрессивен, не уступал ни пяди своих авторских амбиций, а Арензон, уже издавший книгу о Савве Мамонтове по следам работы в Абрамцево и сотрудничавший в Институте мировой литературы, осторожно гасил мои вспышки: «Я называю Вашу книгу “справочником” не в буквальном смысле, не обижайтесь, что я снижаю уровень Ваших авторских притязаний. Для меня

(и любого другого заинтересованного) книжка Мамаева должна быть самым авторитетным и исчерпывающим (с фактической точки зрения) текстом на тему “Хлебников и Астрахань” и “Астрахань Хлебникова”. Иначе говоря, я вижу в Вас не историка города, а эрудированного экскурсовода по городу. вспомните Анциферова (достойный пример для подражания): он показал душу Петербурга через Достоевского».

Ещё больше задело меня замечание Арензона об «излишней пафосности», и я искренне недоумевал: «Чем пафосна фраза “сделал переворот в мировой литературе”? У Дуганова: “К 1910 году (...) Хлебников уже произвёл переворот в литературе”».

«Вы спрашиваете с недоумением, — отвечал Арензон, — в чём пафос (т.е. ненужность) фразы “сделал переворот в литературе”, указывая на Дуганова как на источник. Дело, по-моему, вот в чём. Книга Р.В. Дуганова — собственно, научная биография, она даёт культурно-эстетический контекст эпохи и даже несколько уже: хлебниковские открытия в контексте новаций современного искусства. Вы рисуете семейную сцену: Витя (Велимир — А.М.) в запальчивости говорит родственникам, что он пишет лучше Толстого. Родственники ржут, и они правы, ибо они не в курсе этих новаций, они знают, кто такой Лев Толстой, но они, даже прочитав опусы Вити, не в состоянии соотнести их с классическими вершинами, они вообще не знают, что это такое, с чем это едят. Как видите, беда не в самой фразе, а в её неуместности в данной ситуации. Тут, м.б., правильней сказать, что она, эта фраза, не пафосна, а эпатажна, как футуристические афиши на театральной тумбе провинциального города. Но футуристы эпатировали с целью, а у вас не эпатажный, а сугубо информативный, просветительский (точнее — просвещенческий) текст».

Третьей точкой преткновения явилась моя фраза об астраханских боях за политическую власть в январе 1918 года: «В эту памятную ночь Астрахань являла собой апокалиптическое зрелище. И могло ли быть что-то страшнее его и бессмысленнее? Русские убивали русских».

Арензон оппонирует: «И по поводу трагедии, когда “русские убивали русских”, также испанцы — испанцев, французы — французов. Это называется гражданской войной. Мы, люди другого исторического времени, должны быть ни за белых, ни за красных. Мы, условно говоря, за Хлебникова, за те высокие мысли и чувства, которых он достиг, живя в братоубийственной бойне, внутренне её отвергая».

Сейчас, когда в мире стало так беспокойно, эти слова обретают предметный смысл, как и хлебниковская фраза-призыв: «Люди! Утопим вражду в солнечном свете!»

Разногласия, вызванные перепиской (кстати, позже максимально мною учтённые) не отразились на нашем дальнейшем общении. В течение ряда лет мы переписывались, встречались на астраханских и московских

Хлебниковских чтениях, и вот что интересно: в моём «Дневнике музея Хлебникова» не всегда упоминались фамилии тех или иных крупных хлебниковедов, но Арензон в нём был буквально «прописан»:

«Открытие VII Хлебниковских чтений в АГУ. Яркое выступление Арензона (о смысле числовых изысканий Хлебникова)».

«Первый день VIII Хлебниковских чтений. Из выступлений, как всегда, впечатлили Парнис и Арензон».

«8 сентября 2005 г. IX Хлебниковские чтения в Астрахани.

В президиуме (впрочем, нет никакого президиума — зал построен по типу каре): за столами — участники конференции, за их спинами — студенческая масса, которая будет слушать “скучные речи”, втихаря пересмеиваться и пускать по стенам солнечных зайчиков. Впрочем, когда Арензон, увлечённо импровизируя своё прекрасное выступление, рассказывал о “Купальщиках” Савинова (картине, подвигнувшей Хлебникова на написание “Детей Выдры” и замурованной в запасниках Времени), — студенты уже не резвились, а слушали и набирались ума».

«8 сентября 1998 г. Чтения открывает Г.Г. Глинин, проректор АГУ: “Слово о Дуганове”. Минута молчания.

Несколько оживляет зал Арензон, прочитав (точнее — непринуждённо пересказав) доклад Дуганова “Хлебников и Маяковский”».

Немного о последнем. Рудольф Валентинович Дуганов (1940-1998) — хлебниковед с мировым именем, автор блистательной монографии «Велимир Хлебников. Природа творчества» (Москва, 1990).

Заветной мечтой Рудольфа Дуганова было издание шеститомного собрания сочинений Хлебникова, с опорой на новую текстологию и с подробными комментариями. Чтобы заработать на него средства, учёный уехал в Японию, где преподавал одновременно в трёх университетах. Сердце не выдержало перегрузки. 12 марта 1998 года Рудольф Дуганов скончался и был похоронен в Москве рядом с могилой Хлебникова.

Арензон тяжело переживал уход своего самого близкого друга и соратника. Он прислал мне приглашение на вечер памяти Дуганова, состоявшийся в доме В.Я. Брюсова (филиале Литературного музея), где «собралось много людей. Всё по программе: пели, слушали музыку, стихи, короткие речи, воспоминания. В заключение выпили (кто рюмку, а кто и две), твёрдо зная, что встретимся Там».

С уходом Дуганова всю тяжесть по подготовке и изданию шеститомника Хлебникова взял на себя Арензон. После выхода первого тома я написал ему: «С радостью узнал, что наконец-то появился “первенец”. Обидно, что читатели смогут купить его только в Москве. Из-за малого тиража до периферии он не дойдёт. А ведь, если верить поэту, “мы знаем только одну столицу России и только две провинции — Петербург и Москву”». Но позже, хлопотами того же Арензона, шеститомник был переиздан, и, думается, что

тот, кто уж очень хотел его приобрести, приобрёл. Как говорится, «ищущий да обрящет!»

Евгений Рувимович полностью взял на себя и вторую задачу, начатую Рудольфом Дугановым: издание «Вестника Общества Велимира Хлебникова». В декабре 2000 года я получил от него приглашение: «Приступаю к сбору материала для третьего выпуска «Вестника Общества Велимира Хлебникова». Хотелось бы видеть Вас участником этого издания. Подумайте, пожалуйста, над музейной темой (конкретно и определёнno очерк об астраханском музее В.Х.). Хорошо бы приложить несколько фотоиллюстраций». К сожалению, дальнейший выпуск «Вестника» прекратился из-за тяжёлой болезни Арэнзона.

В декабре 2007 от меня последовало ответное приглашение: «Уважаемый Евгений Рувимович! В сентябре 2008 года Астрахань будет праздновать свой юбилей — 450-летие со дня основания.

В связи с этим Агентство по печати Астраханской области предоставляет нам возможность издать отдельной книгой (в размере 80-ти страниц) повесть Велимира Хлебникова “Ка”. В ней будет много цветных и чёрно-белых иллюстраций художника Степана Ботиева. Не могли бы Вы подготовить комментарии к этому изданию? С уважением, А. Мамаев».

Арэнзон незамедлительно отозвался: «С благодарностью принимаю Ваше приглашение. Постараюсь быстро подготовить комментарии и Вам выслать».

А позже Женя (к этому времени мы уже перешли на «ты») писал мне: «Дорогой Саша! Хочу хоть как-то отблагодарить тебя за присланные экземпляры “Ка”. Высылаю ксероксы хлебниковских рукописей — из семейного фонда Вяч. Вс. Иванова (могут пригодиться при организации выставок) и каталог выставки Сергея Есенина.

Три дня я был в Рязани и Константиново. Константиновский музейный комплекс — один из лучших в стране мемориалов. Ко всему прочему — это материально крепкое учреждение культуры. Все рязанские начальники считают за честь помогать музею: “Наш Серёга”. Это явление феноменальное. Ахматова ни для кого не “Аня”. Маяковский — не “Володя”, про Пастернака или Мандельштама вообще говорить не стоит. Велимир всегда будет под вопросом — и нам нести этот крест.

“Толстой-Есенин” — беспроигрышный тандем народно-почвенического сознания».

Бывали ли у нас разногласия? Конечно, бывали. В письме от 29 июня я писал Арэнзону: «Дорогой Евгений Рувимович! Спасибо за биографию Дуганова и “Мир вокруг нас” (Выпуск 25). В нём, кроме Дуганова и Вас, по большому счёту мне понравился только А.Г. Вишневский, с его болью за Хлебникова, у остальных — всё вокруг да около. И что? Непременно была нужна мелованная бумага и цветные портреты авторов?»

Но отдельные разногласия не мешали мне общаться с Евгением Рувимовичем, и однажды я его очень выручил. Для выхода шестого тома

собрания сочинений не хватало только совместной статьи братьев Хлебниковых об их поездке на Урал, опубликованной в журнале «Природа и охота» за декабрь 1911 года. «10 лет назад я смотрел этот журнал, — жаловался Арензон, — но копию не снял, ибо это ещё был далёкий материал. Ярус, в котором журнал хранится (в Ленинке), два года уже ремонтируется, по-видимому, журналы не будут выдавать оттуда ещё года два. Вот какая загвоздка. Может быть у Вас есть этот текст, нигде никогда не републикованный?»

Журнал нашёлся — в семейной библиотеке Хлебниковых, в музейной коллекции, и я выслал его Арензону. «Дорогой Александр, — написал он в ответ, — вы мне облегчили жизнь (или продлили её) на шесть месяцев. Я слабо надеялся, что эта статья есть в Астрахани — и какая радость!».

Позже Евгений Рувимович прислал мне в подарок только что вышедший шестой том с дарственной надписью: «Александр Мамаеву — Человеку и Музею. Благодарный очевидец. Е. Арензон».

Мне и в дальнейшем случалось оказывать Евгению Рувимовичу посильную помощь, о чём он никогда не забывал: «Дорогой Александр Александрович! Провожая старый год, 2007, с благодарностью вспоминаю Вашу помощь в работе над СС Велимира. Привет всем сотрудникам Музея. Расширяйтесь! Укрепляйтесь! Живите! С Новым годом! Е. Арензон».

Хочется отметить ещё одну черту Арензона: он был беспощаден к своим идеологическим противникам. В 2008 году он не смог, из-за болезни, выехать в Астрахань на Хлебниковские чтения, и я прислал ему вышедший по их следам сборник, где подчеркнул имя одного из авторов, приписав: «Черносотенец». И вот что ответил мне Арензон: «Материал, который Вы обозначили карандашом “Черносотенец”, вызывает омерзение. Но дело в том, что автор не из чёрной сотни погромщиков, а из орды современных белых либералов-дураков, исповедующих одновременно антисталинизм и эстетическое мракобесие, антиисторизм и позу гуманизма. Я уже не раз встречал таких типов на хлебниковских собраниях. Каждый раз я даю им гласный отпор. Они имеют полное право так думать и так говорить, но в другой аудитории. Ведь Хлебниковские чтения не диспут *pro et contra*. Можно по-разному относиться к Хлебникову, по-разному интерпретировать его дело, но люди, которые собираются на Чтения, принимают некие ориентиры, имеют какие-то общие взгляды на явления культуры и истории. Человек заявляет об анти-языке Хлебникова на собрании, где чтут работы лингвиста Григорьева именно о характере нового поэтического языка. Поспорь с Григорьевым, откажи ему в логике, в объективности подхода. Нет, встаёт, дубина, и несёт околесицу по поводу того, что он думает, что ему нравится и что ему кажется плохим. Нельзя таких людей допускать на Чтения! У него есть возможность высказаться в разных аудиториях. Его поддержат многие. Пол-Астрахани ему

будет аплодировать. Но зачем же печатать его в сборнике Международных Хлебниковских чтений? И тут уж дело не в авторе, чёрт с ним: дело в составителях сборника, в организаторах мероприятия.

Это не демократия науки, не либеральность общества — это болото всеядности, наилевизны, действительного равнодушия ко всему на свете. Сегодня можно говорить о Хлебникове? Поговорим. Завтра запретят — ничего страшного, помолчим. Это интеллектуальное безволие, принцип “чего изволите”. Вот так беспощадно, принципиально, гневно Арензон фехтовал за честь Хлебникова.

А каким он был в жизни, в дружеском кругу, среди коллег-хлебниковедов, на банкетах, на незабываемых поездках по Волге в заповедник? М. Бахтин писал о Хлебникове: «Это был глубоко карнавальный человек». Нечто подобное можно сказать и о Жене (так называли его в узком кругу).

Помню курьёзный инцидент. На Чтениях в АГУ торжественно оглашается список тех, кому присуждается премия (в их числе Арензон). От лица премированных он выходит на трибуну и благодарит: «Большое спасибо за премию: повод к очередному возлиянию...» — и замялся, сообразив, что такие слова — не к месту и не ко времени. И вдруг студенты бурно зааплодировали. Все заулыбались. Инцидент был исчерпан.

Или на банкете, на московских Чтениях. За столом дебаты, споры, шум, гам... и вдруг ко мне доносится издали Женин голос: «Саша, передай Кристине сахар!» Надо же, сквозь дискуссионный гам, с другого конца стола усмотреть, что юной обаятельной американке грозит опасность остаться без сладкого чая! Кристина — это Кирстен Лодж, выпускница Пражского университета. Если бы был учреждён приз за зрительские симпатии, он достался бы только ей! Как и симпатии Жени Арензона.

В феврале 2017 года, в день своего 80-летия, Евгений Арензон получил множество поздравлений. Приведу из них выдержки.

«Мы ценим Ваш значительный вклад в мировое хлебниковедение».
Сотрудники Астраханского госуниверситета.

«Дорогой Женя, Вы подготовили и издали новое собрание сочинений Хлебникова. Такое капитальное издание — настоящий подвиг, оно останется в истории литературы».
Александр Парнис, хлебниковед, исследователь авангарда.

«Дорогой Евгений, весь состав Международной Академии Зауми, в которой ты чистый бриллиант, сердечно поздравляет тебя с юбилеем».
Президент Академии Зауми Сергей Бирюков.

«Многоуважаемый Евгений Рувимович!

Дорогой Женя!

В день Вашего восьмидесятилетия, с дальних тихоокеанских берегов другого материка примите мои сердечные поздравления. С благодарностью за Ваш неоценимый вклад в расширение пределов хлебниковестности».

Рональд Вроон, профессор Колумбийского университета (США).

«Дорогому юбиляру самый тёплый привет и поздравление из города Хельсинки».

Наталья Башмакова, филолог, профессор.

«Благодаря Вашему многолетнему труду, изучение наследия Хлебникова вышло на качественно новый уровень».

Хенрик Баран, профессор Олбанского университета (США).

«Приятно осознавать, что Евгений Рувимович Арензон всегда проявляет искренний интерес к исследованиям астраханских коллег, его комментарии и замечания – настоящая школа хлебниковедения».

Л. Евдокимова, кандидат филологических наук, АГУ.

«Дорогой Женя!

Вспоминаю наши встречи в Москве и в Астрахани. Замечательно, что после двенадцати Хлебниковских чтений Астрахань перестала быть “городом глубокого духовного застоя”».

А. Мамаев, хранитель музея Хлебникова.

В последний раз я встретил Женю Арензона на московских Хлебниковских чтениях в 2015 году и виделся с ним онлайн в 2021 на «Круглом столе» — презентации книги Андрея Россомахина «Зангези». Арензон выступал убеждённо, страстно, как всегда боевито. Он был в хлебниковской шеренге до последнего часа.

И последнее, как говорится, «на посошок».

В мае 1913 года Велимир отправил письмо М.В. Матюшину, по поводу смерти его жены, поэтессы Елены Гуро.

В нём нет высокопарной скорби, истасканных изречений о бессмертии души, приторных утешений. Он просто написал: «Я дружески разделяю с Вами горе, и я Вас люблю. В. Хлебников».

И нам хочется так же обратиться к Валентине, супруге Евгения Рувимовича: «Мы дружески разделяем с Вами горе, и мы Вас любим. Женины друзья».

*А.А. Мамаев, хранитель
астраханского музея В. Хлебникова*